

Литературный факт 2025. № 4 (38).
Literaturnyi fakt [Literary Fact], no. 4 (38), 2025

Научная статья
УДК 821.161.1.0
<https://doi.org/10.22455/2541-8297-2025-38-330-346>
<https://elibrary.ru/WDLSRV>

Literaturnyi fakt [Literary Fact],
no. 4 (38), 2025

This is an open access article distributed under
the Creative Commons Attribution 4.0
International (CC BY 4.0)

Всеволод Иванов в работе над романом «Эдесская святыня»: эволюция замысла

© 2025, Л.В. Суматохина

Институт мировой литературы им. А.М. Горького Российской академии наук,
Москва, Россия

Работа выполнена в Институте мировой литературы им. А.М. Горького Российской академии наук при финансовой поддержке Российского научного фонда, проект № 25-28-00107 «Из литературного наследия Всеволода Иванова конца 1920-х – начала 1960-х гг.» (<https://rscf.ru/project/25-28-00107/>).

Аннотация: Статья посвящена анализу творческой истории романа Вс.В. Иванова «Эдесская святыня». С использованием ранее не опубликованных материалов из семейного архива писателя дан анализ трех основных этапов работы. Второй и третий этапы работы связаны с неосуществившейся надеждой Иванова опубликовать новые произведения, в их числе роман «Эдесская святыня». Впервые печатаются фрагменты второй и третьей редакций романа «Эдесская святыня», в которых идет речь о главном символе (Нерукотворного образа Иисуса Христа, в 944 г. перенесенного из Эдессы в Константинополь). Нерукотворный образ становится предметом пристального внимания автора, а не просто поводом к построению сюжета путешествия и духовного странствия героя по различным религиозно-ценностным укладам жизни. Вариант заглавия романа («Коварная Эдесса»), встречающийся в рукописях, можно объяснить исторической судьбой города. Эдесса несколько веков была религиозным центром, в котором процветало христианство, затем город был завоеван арабами. Также освещается замысел Иванова, касающийся ввода новых персонажей в систему образов, судьбы проданной в рабство русской пленной княжны Дажды — жены главного героя романа. Приведенные в статье фрагменты черновых набросков к третьей редакции романа показывают, что Всеволод Иванов стремился расширить сюжетно-событийные рамки романа, усложнить систему образов, насытить текст исторически достоверными подробностями. Реконструкция процесса работы над романом позволяет яснее увидеть своеобразие творческой манеры писателя, его вольное обращение с уже завершенными текстами. С текстологической точки зрения источники при подготовке текста романа выстраиваются в обратном порядке: от закон-

ченного текста через незавершенную вторую редакцию к наброскам третьего этапа работы.

Ключевые слова: Всеволод Иванов, «Эдесская святыня», исторический роман, история Византии, история текста.

Информация об авторе: Любовь Валерьевна Суматохина — кандидат филологических наук, доцент, старший научный сотрудник, Институт мировой литературы им. А.М. Горького Российской академии наук, ул. Поварская, д. 25А, стр. 1, 121069 г. Москва, Россия.

ORCID ID: <https://orcid.org/0000-0003-1803-616X>

E-mail: lsumatohina@yandex.ru

Для цитирования: *Суматохина Л.В.* Всеволод Иванов в работе над романом «Эдесская святыня»: эволюция замысла // Литературный факт. 2025. № 4 (38). С. 330–346. <https://doi.org/10.22455/2541-8297-2025-38-330-346>

В середине 1930-х гг. в драматургию и прозу Вс.В. Иванова прочно вошла историческая тема. Страстный интерес писателя к разным периодам и событиям русской и мировой истории — яркая черта его творческой индивидуальности. Его привлекали эпоха российского императора Павла I (пьеса «Двенадцать молодцев из табакерки»), личности М.В. Ломоносова и А.Д. Меншикова (пьеса «Вдохновение», неоконченный рассказ «Генералиссимус»), Берлинский конгресс 1878 г. и роль А.М. Горчакова на этом конгрессе (пьеса «Канцлер»), эпоха Петра Первого, история Смутного времени, Древнего Рима, Византии и др. Своеобразие подхода писателя к историческим темам точно охарактеризовал его сын, Вяч.Вс. Иванов: перед нами «сплетение художественно-образного понимания истории с ее исследованием»¹.

Роман Вс. Иванова «Эдесская святыня» воспринимается как органическая часть этого художественно-исторического дискурса. Роман был напечатан после смерти писателя в первой редакции 1946 г., единственной законченной им². Согласно воспоминаниям Т.В. Ивановой, жены писателя, он напряженно работал над завершением произведения в летние месяцы этого года³. Однако работа над романом продолжалась в течение ряда лет, до конца жизни Иванова: по свидетельству сына писателя Вяч.Вс. Иванова, в кабинете писателя в Москве после его смерти оставались карандашные наброски к роману⁴.

¹ Всеволод Иванов — писатель и человек: Воспоминания современников. 2-е изд., доп. М.: Сов. писатель, 1975. С. 350.

² Иванов Вс.В. Собр. соч.: в 8 т. М.: Худож. лит., 1975. Т. 5. С. 419–527, 687–689.

³ Всеволод Иванов — писатель и человек: Воспоминания современников. 2-е изд., доп. М.: Сов. писатель, 1975. С. 420–421.

⁴ Хранятся в НИОР РГБ. Ф. 673. К. 10. Ед. хр. 1. 134 л.

Известны три основных этапа работы над «Эдесской святыней»:

— лето – осень 1946 г. (под первой редакцией стоит дата окончания — 11 сентября 1946 г.);

— 1956 г., когда была написана вторая редакция произведения, машинопись которой хранится в семейном архиве;

— 1962–1963 гг., когда писатель вновь обратился к работе над произведением; от этого этапа сохранились наброски к третьей редакции романа.

Интенсивные творческие периоды работы над «Эдесской святыней» связаны с подготовкой текста к возможной публикации, с надеждой писателя увидеть вышедшими из печати не только уже известные, но и новые произведения. Так, весной 1962 г. писатель работал над составлением двухтомника, в состав которого должны были войти среди прочих произведений фантастические рассказы и «Эдесская святыня» [3, с. 518]. Включить их в состав сборника, однако, не удалось⁵.

Исследователи творчества Вс. Иванова Е.А. Краснощекова и Л.А. Гладковская, писавшие об «Эдесской святыне», анализировали первую редакцию произведения, отчасти затрагивая тему дальнейшей истории текста⁶.

Эволюции замысла романа посвящены три работы Е.А. Папковой [4; 5; 6], в которых сопоставляются три редакции «Эдесской святыни». Ею опубликованы две главы из второй редакции романа [6]; цитируются и комментируются отдельные наброски к третьей редакции [4]. Анализируя эволюцию замысла, исследователь сосредоточилась преимущественно на «трансформации образа» главного героя «Эдесской святыни» поэта и оружейника Махмуда иль Камана [5].

Задача настоящей статьи — дополнить представление о том, как шла работа Вс. Иванова над романом «Эдесская святыня», раскрыв иные аспекты творческой истории этого произведения на основе материалов, хранящихся в семейном архиве.

Эволюция замысла «Эдесской святыни» связана, в частности, с заглавным образом романа. Действие происходит в X в. н. э. в Багдаде, Эдессе и Константинополе. В основе сюжета произведения — реальный исторический факт, перенесение эдесской святыни, Нерукотворного образа Иисуса Христа (убруса, мандилия) из Эдессы в Константинополь.

⁵ *Иванова Т.В.* Мои современники, какими я их знала: Очерки. М.: Сов. писатель, 1987. С. 225.

⁶ *Краснощекова Е.А.* Художественный мир Всеволода Иванова. М.: Сов. писатель, 1980. С. 318; *Гладковская Л.А.* Жизнелюбивый талант. Творческий путь Всеволода Иванова. Л.: Сов. писатель, 1988. С. 279–281.

Эдесский убрus, согласно легенде, был доставлен в Эдессу апостолом Фаддеем как дар Иисуса правителю города; в течение столетий он был главной святыней Эдессы. В 944 г. осажденная византийским войском Эдесса была вынуждена расстаться с убрусом в обмен на снятие осады. Нерукотворный образ был торжественно доставлен в Константинополь [1, с. 505–506]. В честь этого события православной церковью на 16 (29) августа был установлен праздник, в народе именуемый Полотняным Спасом.

Махмуд иль Каман, оружейник по профессии и поэт по призванию, в романе Всеволода Иванова становится начальником конвоя, сопровождающего эдесскую святыню из Эдессы в Константинополь. Оставив дома, в Багдаде, любимую жену Даждю, пленную русскую княжну, он едет в сопровождении своих учителей и духовных наставников: законника Джелладина и кади Ахмета, воплощающих собою два противоположных полюса религиозности — фанатизм и философский взгляд на мир и законы жизни.

Хотя основная работа над романом шла в 1946 г., вполне вероятно, что замысел этого произведения возник чуть раньше. В августе 1944 г. исполнилась 1000 лет со дня переноса убруса из Эдессы в Константинополь, о чем Вс. Иванов мог знать из исторических книг, которые увлеченно изучал. «С тех времен прошла тысяча лет, и имена их давно забыты», — говорится в финале первой редакции⁷.

Именно в 1944 г. писатель начал работать над циклом фантастических произведений, к которому, по утверждению исследователей, примыкает роман «Эдесская святыня»⁸. В основе фантастических рассказов — миф и легенда, соприкасающиеся с современностью, вымысел, переплетающийся с детально описанной реальностью. Художественный мир «Эдесской святыни» при всей исторической точности автора во многом фантастичен и поэтичен, настолько, что исследователи отказываются считать ее традиционным историческим романом⁹.

Судя по наброскам предисловия к циклу «Фантастические рассказы», «Эдесская святыня» действительно связана с ним. Историческая тема, по замыслу автора, играет в нем важную роль:

⁷ Иванов Вс.В. Собр. соч.: в 8 т. М.: Худож. лит., 1975. Т. 5. С. 527.

⁸ Гладковская Л.А. Жизнелюбивый талант. Творческий путь Всеволода Иванова. Л.: Сов. писатель, 1988. С. 261; Краснощекова Е.А. Художественный мир Всеволода Иванова. М.: Сов. писатель, 1980. С. 313.

⁹ Гладковская Л.А. Жизнелюбивый талант. Творческий путь Всеволода Иванова. Л.: Сов. писатель, 1988. С. 263; Краснощекова Е.А. Художественный мир Всеволода Иванова. М.: Сов. писатель, 1980. С. 324.

Первая тема — историческая — индивидуализм, внутренняя, а значит, и внешняя, свобода, полное выявление как умственного, так и чувственного «я». Возрождение через эллинизм — и русское возрождение. Легенда об эллинизме как о свободе, но на самом деле он был узко догматичен, и наряду с Платоном существовали тысячи ретроградов, регулировавших жизнь, о которой мы имеем теперь лживое представление¹⁰.

Эти рассуждения перекликаются с целым рядом черновых набросков к роману о Платоне и Аристотеле, об эллинизме и Византии как наследнице эллинской культуры и т. п.

Изучение рукописей и сопоставление редакций романа позволяют проследить ход работы автора над произведением. Приступив в 1956 г. к доработке «Эдесской святыни», писатель поначалу вносил незначительную правку в текст. Затем он начал дописывать роман, насыщая его историческими подробностями и вставляя целые эпизоды с новым действующим лицом, которого не было в первой редакции (норманн Свавольд, состоящий на службе у русского князя Игоря) [6], а затем и вовсе отложил вторую часть текста¹¹ и написал новое продолжение произведения. Вторая редакция осталась неоконченной, и в 1962 г., когда у Вс. Иванова появилась надежда на публикацию романа, он приступил к его завершению, однако не успел довести дело до конца.

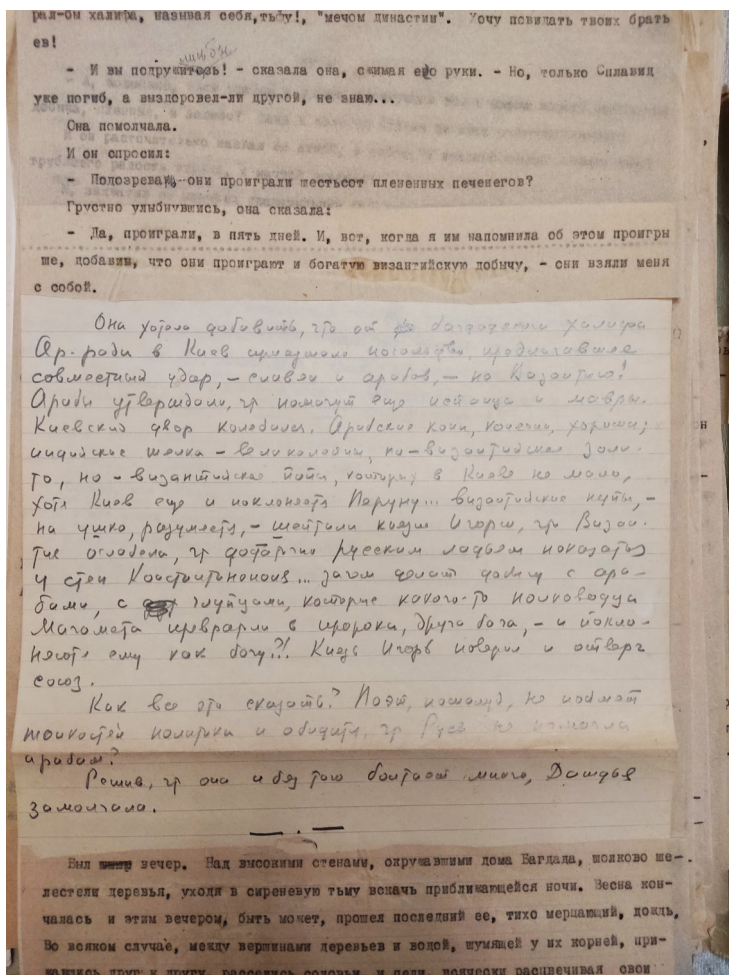
Сам нерукотворный образ, эдесская святыня, во второй и особенно в третьей редакции становится предметом пристального внимания автора, а не просто поводом к построению сюжета путешествия из одной страны в другую и духовного странствия героя по различным религиозно-ценностным укладам жизни.

Писатель и его герой размышляют о происхождении нерукотворного образа, о природе чуда и его влиянии на духовное состояние человека, на его веру. Среди рукописных набросков ко второй редакции романа в семейном архиве сохранилось несколько самодельных папок-вкладышей с материалами для особо тщательной обработки отдельных фрагментов текста. Среди них — папка с авторским заглавием «Лицо его высокое», отразившая работу писателя над описанием нерукотворного образа и легенды о его происхождении¹².

¹⁰ *Иванов Вс.В.* Переписка с Горьким. Из дневников и записных книжек. М.: Сов. писатель, 1969. С. 287.

¹¹ Семейный архив Всеволода Иванова. «Эдесская святыня», черновики. Папка 2. Л. 35–67.

¹² Там же. Папка 1. Л. 37–40.

*Фрагмент второй редакции «Эдесской святыни», машинопись
с рукописными вставками.*

A fragment of the second edition of "The Edessa Icon," typescript with handwritten inserts.

Во второй редакции романа описание убруса, на который смотрит Махмуд, выглядит так:

Он увидел лицо с крутым лбом, над которым нависли жесткие иссиня-черные волосы. Лицо это, изнутри залитое светом, такое счастливое и восторженное, словно он один лишь придумал и со-

здал этот волшеббно-прекрасный мир, что отражается в его зелено-вато-желтых глазах. Пухлый рот чуть приоткрыт от удовольствия, левая бровь вскинута, капли воды дрожат на ресницах.

И Махмуд вспомнил предание.

...Он проснулся рано и, распахнув дверь, замер на пороге. Двор, колодец, ослики, беременная коза, клочки бурого сена, которые разнес ветер, — все залито скачущим, сладким и пламенным солнцем. Апостол Фаддей подал ему воду для омовения и шерстистое длинное полотенце. Умывшись, довольный миром дома, друзьями, светом и легким ветерком, который колеблет в углу на стене еще не сожженную солнцем травку, он бросил полотенце, не заметив, что лицо его отпечаталось на нем¹³.

Работая над романом, писатель задумывается о способах усложнить сюжет, связанный с убрусом. Возникают мотивы кражи и подмены: «Путь между Эдессой и Константинополем (у меня в прежнем варианте) слишком прост и описателен. По-видимому, надо усложнить борьбу за “убрус”? Попытки похищений или вооруж. нападения — и банально, и не интересно. М. б., доказательства, что убрус подменен?»¹⁴

С заглавной темой романа связано погружение Вс. Иванова в изучение ересей арианства и несторианства (споры о божественной и человеческой природе Иисуса Христа), в тему борьбы иконопочитателей с иконоборцами, в размышления о том, почему в мусульманстве запрещено изображение человека.

В одном из набросков он пишет, что вопреки церковным преданиям, нерукотворная святыня не принесла облегчения жителям столицы империи: «Привезли св. убрус в Константинополь, бедный, голодный, измученный войной, дворцовыми смутами, жадностью и наглостью монахов, — и ждут чуда. А чудес никаких нет»¹⁵. Не дала она успокоения и душе главного героя (см.: [5]): «Махмуд грустил. Он видел, что убрус не только не давал ему забвенья, но ни на каплю не уменьшил страданий всего огромного города, а того менее, — всей империи»¹⁶.

Святыня становится частью политической игры при смене власти в империи и в борьбе за духовное влияние. Приведем в качестве

¹³ Семейный архив Всеволода Иванова. «Эдесская святыня», вторая редакция. Л. 101.

¹⁴ Семейный архив Всеволода Иванова. «Эдесская святыня», черновики. Папка 1. Л. 56.

¹⁵ Там же. Папка 2. Л. 7.

¹⁶ Там же. Папка 2. Л. 29.

примера большой фрагмент набросков третьей редакции по хранящейся в семейном архиве машинописи:

Среди византийцев снова начались слухи об убрусе, как только они утвердились в мнении, что Константин Седьмой, прозванный ими для успокоения сразу же Багрянородным, укрепился на престоле. Константин любил всяческие собрания и особенно наслаждался, когда перед ним говорили епископы. Витиеватая красивость школы Иоанна Златоуста доставляла ему несказанное наслаждение. Он рад был, что положение с убрусом запуталось, и созвал свой небольшой Собор. Он сел на престоле и, с любовью глядя на епископов и пресвитеров, сказал:

— Говорили, что император Роман, чтобы вызвать смуты в стране, нарочно потребовал эдесскую святыню, созданную будто бы арианами. Я хочу спросить вас, имеем ли мы право рассуждать о стиле этой святыни, когда она нерукотворна? Я жду вашего решения.

Поднялся епископ Никон. Он сказал благородным грудным голосом:

— Бог страдал. Более того, будучи сыном отца, который знает будущее, он предчувствовал свои страдания. Я тоже думаю, что несториане, стремящиеся все время вредить Византии и для того перешедшие на сторону арабов, подменили образ. Этот образ написан арианом. Если Бог предчувствовал свои страдания, то как же он мог запечатлеть свою улыбку, поднять кверху левую бровь и все это передать на вечные времена людям? Кроме того, он упитан, на щеках его горит еле заметный румянец, и все это доказывает, что он не бог, а человек, а это — ересь.

Глаза епископа были широко открыты, лицо преисполнилось чрезвычайного чистосердечия.

— Я скажу сейчас страшные слова. Но только страшными словами можно проверить истину. Я готов пожертвовать собой. Если я не прав, то да покарает меня Бог смертью! Тут же, на месте. Но я проведу испытание. Это — не изображение Христа. Это — подделка.

Наступило довольно продолжительное молчание, так как многие люди Собора, не очень-то любившие епископа, ждали с нетерпением, чтобы Бог покарал богохульника.

— Мне кажется, — прервал молчание епископ, — спор нужно считать оконченным.

— Нет, — возразил патриарх.

— Почему?

— Бог, по своей милости, за ваши заслуги простил вас.

— Это очень любопытно, — прошептал император. — Кажется, мы возвращаемся к временам иконоборчества. Я очень рад. Мне в моей истории, быть может, благодаря спорам, удастся выяснить кое-какие вопросы, которые кажутся мне неясными.

Но лицо императора было бесстрастным.

Епископы продолжали спор¹⁷.

В процессе работы роман, по-видимому, должен был существенно увеличиться в объеме. Наброски третьей редакции похожи на попытки написать продолжение незаконченной второй редакции: они относятся к константинопольскому периоду жизни героев, когда убрус уже доставлен в столицу и решается их дальнейшая судьба.

Вероятно, по завершении второй редакции романа или в начале работы над третьей возник вариант заглавия романа — «Коварная Эдесса». Мотив коварства, прежде в заметках писателя связанный с темой византийской политики, переходит на город Эдессу. Это, возможно, объясняется необычной исторической судьбой города и описанной в романе религиозно-политической ситуацией. Эдесса несколько веков была религиозным центром, в котором процветало христианство. В частности, здесь жил и проповедовал преп. Ефрем Сирин; находили поддержку религиозные течения, признанные ортодоксальной церковью ересями: арианство и несторианство. А затем город был завоеван арабами. В рукописях, хранящихся в семейном архиве, есть ряд заметок об арианах и несторианах, а также о том, почему именно арабы, а не византийцы сохранили и передали потомкам греческую науку и культуру.

В набросках третьей редакции намечаются новые персонажи:

Емелия, настоятельница монастыря, куда ходила Даждь. Настоятельнице было видение: убрус настоящий. Она хочет помочь Даждь.

Мудрец Михаил Сегин занимается разоблачением ереси несториан. У него — постоянные споры с Емелией, поэтессой, приятельницей имп<ератрицы> Елены. Когда Елена превращается в могучую силу, Емелия думает, что Сегин ей уступит. Он не уступает. Он мужествен и по-прежнему валит все на коварную Эдессу.

¹⁷ Там же. Папка 2. Л. 9–10.

Кади в первых главах говорит о коварной Эдессе, Михаиле Сегине и его возлюбленной Емелии. Он был в молодости в Константинополе и видел их.

Кади: М. Сегин — страшно знаменит, и к каждому его слову прислушиваются в Константинополе. Это мудрец. А на самом деле не так.

Он должен был жениться на Емелии.

Она, не любя его, отказалась и ушла в монастырь Н<ерукотворного> Образа. Монахи поставили целью достать н<ерукотворный> образ. Она полюбила теперь М. Сегина, но было поздно.

Коварная Эдесса предлагала ему уехать к ней с бывшею монашкой. Но он не мог, конечно, согласиться, т. к. Емелия соглашалась, но ему не позволял созданный им авторитет книг. Он доказывал, что образ — арианский, что это доказательство против иконоборческой ереси в стремлении сманить к себе иконопоклонников.

И он страстно возненавидел Эдессу, арабов, убрους.

Кади рассказывает это Махмуду.

Махмуд считает это сказкой¹⁸.

В дальнейшем в набросках к третьей редакции романа образы Михаила Сегина и Емелии, а также связанная с ними сюжетная линия разрабатываются, уточняются, обрастают новыми деталями. Писатель тщательно продумывает место новых персонажей в системе образов романа, сюжетно связывает их с основными героями произведения, отводит им значимую роль в разработке мотивов забвения, коварства, борьбы с иконоборцами.

М. Сегину первому пришла в голову мысль потребовать от Эдессы ее священный плат. Св. плат дает забвение. Оно ему так необходимо! На плат (на основе рассказов кади-садовода и книжника Джелладина) возлагает надежды и Емелия. Она приходит к Сегину. М. Сегин — садовник, преподаватель в Высш. Импер. школе (Константинопольском университете). Он — специалист по иконам, из рода боровшегося с иконоборцами. Эдесса не давала снимать копий с убруса.

Византия уперлась в Эдессу, — центр несторианства, где мощи ап. Фомы и убрус. Каркуас с удовольствием думает, что несториане откажутся, и он уничтожит это коварное гнездо. Арабы — тоже ненавидят и уверены, что несториане ведут перегово-

¹⁸ Там же. Папка 2. Л. 31–32.

ры с визант<ийцами> об унии и сдаче города. «Наблюдайте за ними, наблюдайте! Зачем они согласились <нрзб.> в Конст<инополь>, эти несториане?»

М. Сегин — приятель витязя Свавольда, которого ценит <нрзб.> как знатока визант<ийского>. искусства; в монастыре, где игуменья Емелия — большое стекл<янное> производство бус, шмальты, цветн<ых> камней, все то, что Свавольд желал бы увезти в свою северную страну. Он не понимает этой странной любви М. Сегина и Емелии и греха их переписки, а их переписка — любимое чтение всех юношей и девушек Константин<ополя> (Джел<ладин>. хочет купить эту переписку и привезти в Багдад: «у них любящие не могут соединиться — мешает коварная Эдесса»). <...>

Общественное мнение в церкви осудило отца М. Сегина. Тогда он опубликовал их переписку <...> они прославились <...> но страстно возненавидели друг друга <...> Даждя приходит к ней. Махмуд — к отцу Михаилу. Оба — ища забвения или исхода. Но даже Емелия ничего не в силах сделать. Позже — Михаил едет в Багдад, Емелия — в Киев и оба они делаются невольными вино-вниками гибели Махмуда и Дажды¹⁹.

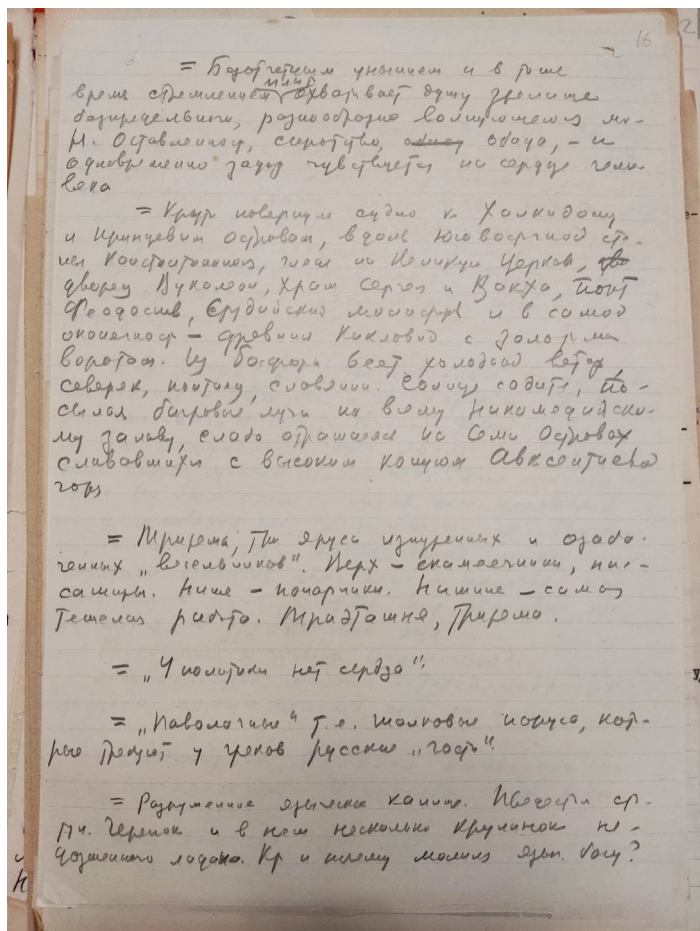
Тема византийских подходов князя Игоря в 941 и 944 годов, затронутая в первой редакции романа, также развивается в поздних редакциях. Она связана с образом Дажды, русской княжны, проданной византийцами в рабство и ставшей рабыней, а затем возлюбленной и женой Махмуда.

В финале первой редакции оба героя погибают. Перерабатывая роман, писатель изменил их судьбы. Выполняя поручение князя Игоря, Свавольд разыскивает Даждю в Багдаде и насильно, против ее воли увозит ее с сыном [6]. Судя по наброскам к третьей редакции, герои встречаются в Константинополе, однако обречены расстаться. Даждя с сыном становятся разменной монетой в политических играх, как, впрочем, и священная реликвия, эдесская святыня. В черновых набросках есть пронзительно точная формулировка на этот счет: «У политики нет сердца»²⁰. Махмуд не может оставить жену у себя против воли халифа, и ему не удастся выкупить ее у князя Игоря.

В одном из набросков третьей редакции «Даждя в Киеве» идет речь о дальнейшей судьбе героини:

¹⁹ Там же. Папка 2. Л. 96–98.

²⁰ Там же. Папка 1. Л. 16.

Рукописные наброски к роману «Эдесская святыня».
Handwritten fragments for the novel "The Edessa Icon."

После того, как погибли ее братья, ее имущество перешло к ее старшей сестре. Ее жених — она, собственно, от него бежала, пошла в поход, отказался от нее, смеясь над ней. Князь ее принял однажды, расспрашивал об арабах, дал ей немного денег, — но она осталась бедной, т. е. имущество ее брата, волокитя²¹, ей не вернули.

Начинаются ее невзгоды. Ее сына Ахмета, черного, губастого, принимают за злого духа и хотят утопить. Волхв просит его в уче-

²¹ Так в черновом автографе; от глагола *волокутить* (разг.) — создавать волокиту, затягивать решение вопроса из-за мелких формальностей.

ники. Она отказывает. Волхв принимает ее сына за язычника — «а какая разница — много или мало богов?» Она уезжает с сыном к норманнам. Она больна. Свавольд поссорился с кн<язем> Игорем, т. к. перевес берет «русская линия». Он смеется над национализмом руссов. Волхв собирает идолов — «В X веке не было такого колич<ества> пустяков, какой будет, наверное, в XX, но коллекц<ия> была»²².

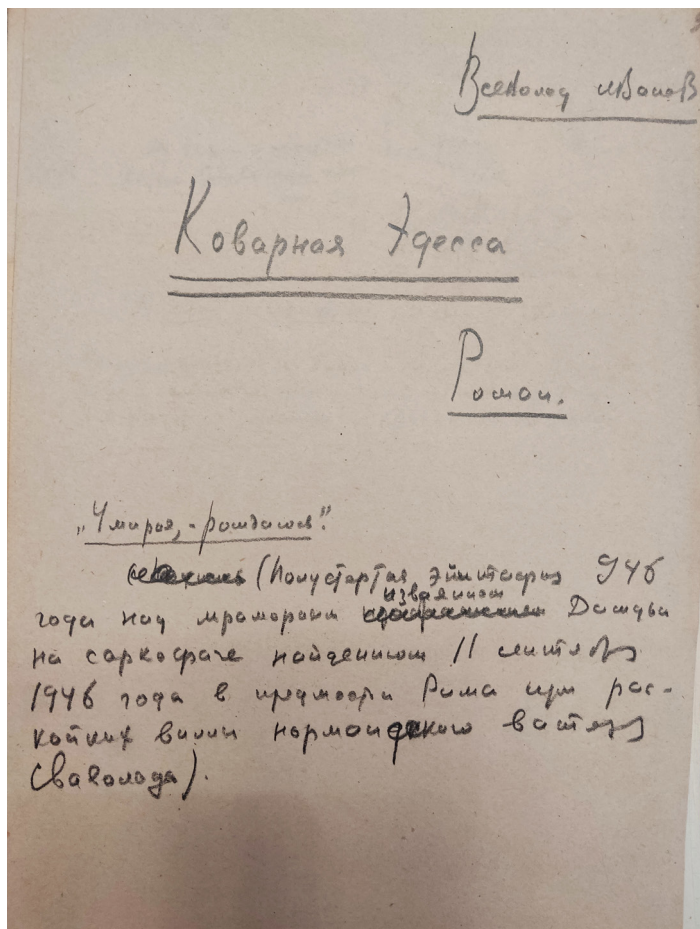
Предполагаемая судьба героини (ее смерть на чужбине) отчасти проясняется также эпитафией на рукописном титульном листе романа с названием «Коварная Эдесса»: «”Умирая — рождаюсь” (Полустертая эпитафия 946 года над мраморным изваянием Дажды на саркофаге, найденном 11 сентября 1946 года в предместьях Рима при раскопках виллы норманнского витязя Свавольда)»²³. В этом эпитафее вновь особо подчеркнута тысячелетняя временная дистанция, по-видимому, символически значимая для автора, и по какой-то причине упоминается дата окончания первой редакции «Эдесской святыни».

В некоторых набросках к роману намечен довольно радикальный поворот сюжета: есть размышления о том, почему правоверный мусульманин Махмуд мог бы перейти в христианство, в православие. Впрочем, уже в финале второй редакции герой показан сомневающимся, в набросках третьей — его терзают серьезные сомнения относительно абсолютной правоты Багдада — как в политике, так и в религии. Возможно, именно это направление своих мыслей Вс. Иванов охарактеризовал дневниковой записью от 19 февраля 1962 г.: «А в голове опять “Эдесская святыня”, ах, если б я мог с нею развязаться! Теперь ее почему-то шарахнуло в сторону православия и прославл<ения> византизма!» [2, с. 413].

Установить, в какой степени на последнем этапе работы над романом писатель планировал развить эти идеи, сейчас, конечно, невозможно. Однако приведенные фрагменты черновых набросков к третьей редакции показывают, что Всеволод Иванов стремился расширить сюжетно-событийные рамки романа, усложнить систему образов, насытить текст исторически достоверными подробностями. Жизнь главных героев, так внезапно и трагически оборвавшаяся в финале первой редакции, в окончательном варианте должна была продолжиться, однако их судьба при этом не становилась менее драматичной.

²² Там же. Папка 2. Л. 114.

²³ Там же. Папка 2. Л. 94.

«Коварная Эдесса». Рукописный титульный лист.

“The Treacherous Edessa.” Handwritten title page.

Реконструкция процесса работы Всеволода Иванова над романом «Эдесская святыня» позволяет наглядно увидеть своеобразие творческой манеры писателя, его вольное обращение с уже написанными текстами. «Нередко он заново полностью переписывал рассказы, пьесы и даже романы, — вспоминала Т.В. Иванова. — Тронув вещь, он зачастую изменял ее до неузнаваемости. Он абсолютно был неспособен что-то механически “исправить”»²⁴. Черновики в этом

²⁴ Всеволод Иванов — писатель и человек: Воспоминания современников. 2-е изд., доп. М.: Сов. писатель, 1975. С. 377.

плане раскрывают полную раскрепощенность и безудержный полет фантазии автора.

С текстологической точки зрения, источники текста романа «Эдесская святыня» располагаются в обратном порядке: мы идем от законченного текста через незавершенную вторую редакцию к наброскам третьего этапа работы. Необходим индивидуальный и вдумчивый подход к решению текстологических задач, которые возникают в процессе публикации неизвестной читателю части творческого наследия Вс. Иванова.

Литература

1. Византийский словарь: в 2 т. / сост., общ. ред. К.А. Филатова. СПб.: Амфора; РХГА; Изд-во Олега Абышко, 2011.
2. Иванов Вс.В. Дневники. М.: ИМЛИ РАН; Наследие, 2001. 492 с.
3. Неизвестный Всеволод Иванов. Материалы биографии и творчества. М.: ИМЛИ РАН, 2010. 784 с.
4. Папкова Е.А. «...Жизнь в будущем оплачивается дорого» (О романе Всеволода Иванова «Эдесская святыня») // Наш современник. 2020. № 2. С. 258–268.
5. Папкова Е.А. «Так жил и умер поэт»: К истории создания романа Всеволода Иванова «Эдесская святыня» // Творчество В.В. Маяковского. М.: ИМЛИ РАН, 2020. Вып. 4. Кн. 2: Владимир Маяковский в контексте мировой культуры. С. 430–442.
6. Папкова Е.А. «У политики нет сердца»: Еще о романе Всеволода Иванова «Эдесская святыня» // Тарские ворота: альманах. Омск: Издательский центр КАН, 2020. Вып. 9. С. 187–211.

Research Article

Vsevolod Ivanov and His Work on the Novel *The Edessa Icon*: The Evolution of the Idea

© 2025. Lyubov V. Sumatokhina

A.M. Gorky Institute of World Literature of the Russian Academy of Science,
Moscow, Russia

Acknowledgements: The work was carried out at IWL RAS with the financial support of the Russian Science Foundation, project no. 25-28-00107 “From the Literary Legacy of Vsevolod Ivanov of the Late 1920s – Early 1960s” (<https://rscf.ru/project/25-28-00107/>).

Abstract: The article examines the creative history of the novel by Vs. Ivanov, *The Edessa Icon*. Hitherto unpublished materials from the writer's family archive highlight the three main stages of the work. The second and third stages of the work relate to the unfulfilled hope of Ivanov publishing new works, including the novel *The Edessa Icon*. Fragments of the second and third editions of the novel *The Edessa Icon* concern the title symbol (the Uncreated Image of Jesus Christ, transferred from Edessa to Constantinople in 944). The image of the Savior becomes the author's focus, rather than just a plot device for the hero's journey and spiritual quest through various religious and value-based lifestyles. The variant of the novel's title (*The Treacherous Edessa*), which appears in the manuscripts, can be explained by the historical fate of the city. Edessa was a religious center where Christianity flourished for several centuries, but it was eventually conquered by the Arabs. The research emphasizes Ivanov's plan to introduce new characters into the system of images, particularly, the fate of the Russian captive Princess Dazhdya, the wife of the novel's protagonist, who was sold into slavery. The fragments of the drafts for the third edition of the novel presented in the article show that Vsevolod Ivanov sought to expand the plot and events of the novel, complicate the character system, and add historically accurate details to the text. The reconstruction of the process of working on the novel makes it possible to clearly see the originality of the writer's creative manner and his free handling of already completed texts. From a textual point of view, the sources in the preparation of the novel's text are arranged in reverse order: from the finished text through the unfinished second edition to the sketches of the third stage of the work.

Keywords: Vsevolod Ivanov, *The Edessa Icon*, the historical novel, the history of Byzantium, text history.

Information about the author: Lyubov V. Sumatkhina, PhD in Philology, Senior Researcher, A.M. Gorky Institute of World Literature of the Russian Academy of Sciences, Povarskaya St., 25A, bld. 1, 121069 Moscow, Russia.

ORCID ID: <https://orcid.org/0000-0003-1803-616X>

E-mail: lsumatohina@yandex.ru

For citation: Sumatkhina, L.V. "Vsevolod Ivanov and His Work on the Novel *The Edessa Icon*: The Evolution of the Idea." *Literaturnyi fakt*, no. 4 (38), 2025, pp. 330–346. (In Russ.) <https://doi.org/10.22455/2541-8297-2025-38-330-346>

References

1. *Vizantiiskii slovar': in 2 vols. [The Byzantine Dictionary: in 2 vols.]*, comp. by K.A. Filatova. St. Petersburg, Amfora Publ., Russian Christian Academy for Humanities Publ., Oleg Abyshko Publ., 2011. (In Russ.)
2. Ivanov, Vs.V. *Dnevniky [The Diaries]*. Moscow, IWL RAS Publ., Nasledie Publ., 2001. 492 p. (In Russ.)
3. *Neizvestnyi Vsevolod Ivanov. Materialy biografii i tvorchestva [Unknown Vsevolod Ivanov. Materials of Biography and Creativity]*. Moscow, IWL RAS Publ., 2010. 784 p. (In Russ.)
4. Papkova, E.A. "...Zhizn' v budushchem oplachivaetsia dorogo': O romane Vsevoloda Ivanova 'Edesskaia Sviatynia'." ["...Life in the Future Comes with a High

Price’: About Vsevolod Ivanov’s Novel, ‘The Edessa Icon.’”] *Nash sovremennik*, no. 2, 2020, pp. 258–268. (In Russ.)

5. Papkova, E.A. “‘Tak zhil i umer poet’: K istorii sozdaniia romana ‘Edesskaia Sviatynia.’” [“‘So the Poet Lived and Died’: On the History of the Creation of the Novel ‘The Edessa Icon.’”] *Tvorchestvo V.V. Maiakovskogo* [*Mayakovsky’s Creative Work*], issue 4, book 2: Vladimir Maiakovskii v kontekste mirovoi kul’tury [Vladimir Mayakovsky in the Context of World Culture]. Moscow, IWL RAS Publ., 2020. pp. 430–442. (In Russ.)

6. Papkova, E.A. “‘U politiki net serdtsa’: eshche o romane Vsevoloda Ivanova ‘Edesskaia Sviatynia.’” [“‘Politics Has no Heart’. More About Vsevolod Ivanov’s Novel, ‘The Edessa Icon.’”] *Tarskie vorota: al’mannah* [*Tara Gates: Almanac*], issue 9. Omsk, KAN Publ., 2020. pp. 187–211. (In Russ.)

Статья поступила в редакцию: 30.03.2025

Одобрена после рецензирования: 16.06.2025

Дата публикации: 25.12.2025

The article was submitted: 30.03.2025

Approved after reviewing: 16.06.2025

Date of publication: 25.12.2025